

XXVII ¹¹/₁₂₉БИБЛИОТЕКА
И. И. СОКОЛЬНИКАГОXXVII ¹¹/₁₂₉

1934

мз

III.

Общественный и частный бытъ древней Индіи.

А. Рославскаго-Петровскаго.

Касты. Что касты не были учреждениемъ, вынесеннымъ аріями изъ ихъ первоначальнаго отечества, это доказывается тѣмъ, что, во 1-хъ, Веды вовсе не упоминаютъ о нихъ, за исключеніемъ одного мѣста въ X-й и послѣдней книгѣ Ригъ-Веды (гимнъ Пурушѣ), которое признается критикой за позднѣйшую вставку, и 2) что санскритское названіе касты — «варва» — значить собственно цвѣтъ, что даетъ право смотрѣть на происхожденіе кастъ, какъ на результатъ завоеванія страны, гдѣ аріи впервые должны были встрѣтить людей, рѣзко отличавшихся отъ нихъ наружнымъ своимъ видомъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ и самая этимологія слова «судръ», означающаго члена рабочей касты, которое не есть санскритское. Въ Магабхаратѣ судры изображаются черною и длинноволосою порождою людей, и даже въ позднѣйшія времена народъ этого имени жилъ у низовьевъ Инда, и, что еще важнѣе для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, въ сѣверной Арахозіи¹ (нынѣшнемъ Афганистанѣ), слѣдовательно въ той мѣстности, которую занимали аріи непосредственно передъ вступленіемъ ихъ на индійскую землю. Отсюда слѣдуетъ заключить, что пришельцы, покоривъ первыхъ встрѣченныхъ ими туземцевъ, распространили имя послѣднихъ и на прочія племена, впоследствии подчинившіяся ихъ

¹ См. Lassen, Indische Alterthumskunde, 1-er Bd. S. 799.Центральна Наукова
БИБЛИОТЕКА при ХДУ

Іюл. 1934

Члѣн ХДУ им. В. Н. Каразина
2010 р.Проверено
ИИБ
1939

54

XXVII ¹¹/₁₂₉БИБЛИОТЕКА
Д. И. СОКОЛЬСКОГОXXVII ¹¹/₁₂₉

1934

III.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ИНДІИ.

А. Рославскаго-Петровскаго.

Касты. Что касты не были учрежденіемъ, вынесеннымъ аріями изъ ихъ первоначальнаго отечества, это доказывается тѣмъ, что, во 1-хъ, Веды вовсе не упоминаютъ о нихъ, за исключеніемъ одного мѣста въ X-й и послѣдней книгѣ Ригъ-Веды (гимнъ Пурушѣ), которое признается критикой за позднѣйшую вставку, и 2) что санскритское названіе касты — «варна» — значитъ собственно цвѣтъ, что даетъ право смотрѣть на происхожденіе кастъ, какъ на результатъ завоеванія страны, гдѣ аріи впервые должны были встрѣтить людей, рѣзко отличавшихся отъ нихъ наружнымъ своимъ видомъ. Въ пользу такого предположенія говорить и самая этимологія слова «судръ», означающаго члена рабочей касты, которое не есть санскритское. Въ Магабхаратѣ судры изображаются черною и длинноволосою породою людей, и даже въ позднѣйшія времена народъ этого имени жилъ у низовьевъ Инда, и, что еще важнѣе для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, въ сѣверной Арахозіи¹ (нынѣшнемъ Афганистанѣ), слѣдовательно въ той мѣстности, которую занимали аріи непосредственно передъ вступленіемъ ихъ на индійскую землю. Отсюда слѣдуетъ заключить, что пришельцы, покоривъ первыхъ встрѣченныхъ ими туземцевъ, распространили имя послѣднихъ и на прочія племена, въ послѣдствіи подчинившіяся ихъ

¹ См. Lassen, Indische Alterthumskunde, 1-er Bd. S. 799.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ

ІІІ. М.

ЦНБ ХНУ ім. В. Н. Каразіна
2010 р.Проверено
ЦНБ
1939

54

власти. Такимъ образомъ образовались два класса: господствующій, составившійся изъ аріевъ, покорившихъ и цивилизовавшихъ Индію, и служебный или рабочій, къ которому принадлежали коренные жители, добровольно принявшіе законы, языкъ и религію завоевателей. Сохранивъ личную свободу, но не имѣя поземельной собственности, они жили при дворахъ аріевъ въ качествѣ домашней прислуги, или же обрабатывали ихъ земли. Другая же часть туземнаго населенія, незахотѣвшая подчиниться иноземному вліянію, лишена была всякаго покровительства законовъ и въ-послѣдствіи образовала нечистыя касты.

Въ средѣ самыхъ аріевъ со-временемъ образовалось различіе сословій. Зародыши этого различія, обусловливающаго государственную жизнь, встрѣчаются уже на Индѣ, гдѣ подлѣ поселянъ и пастуховъ являются въ царской свитѣ воинственные племенные князья съ опытною въ ратномъ дѣлѣ дружиною и съ распорядителями жертвоприношеній—жрецами. Сначала весь народъ носилъ оружіе, и имя вайсій, т. е. поселенецъ, въ качествѣ владѣльцевъ новыхъ земель, принадлежало всѣмъ безъ исключенія аріямъ. Изъ этой массы собственниковъ, въ продолженіи долгихъ войнъ за обладаніе страной, выдѣлилось многочисленное и могущественное дворянство. Когда отношенія новыхъ государствъ на Гангѣ приняли болѣе миролюбивый характеръ и не представлялось надобности въ постоянныхъ народныхъ ополченіяхъ, когда плодородная почва вновь прибрѣтенныхъ странъ, щедро вознаграждая трудъ, призывала къ мирнымъ занятіямъ, большинство поселенцевъ обратилось къ прибыльному земледѣлію, предоставивъ заботу веденія войны, вмѣстѣ съ князьями, тѣмъ изъ своихъ соотчичей, которые чувствовали особое призваніе къ боевой жизни или которыхъ манило желаніе прибрѣсть добычу и славу. Бѣдный поселянинъ не охотно оставлялъ свой домъ и дворъ и принимался за оружіе

въ такомъ только случаѣ, когда княжеская дружина оказывалась недостаточною для отраженія непріятеля. Но подобные случаи были все рѣже и рѣже, и мало-по-малу земледѣльческое народонаселеніе вовсе разуучилось владѣть оружіемъ. Совеѣмъ въ другомъ положеніи находились тѣ роды, которые при раздѣленіи земель получили большіе надѣлы, или же обогатились вслѣдствіе счастливыхъ войнъ. Освобожденные отъ необходимости заботиться объ удовлетвореніи первыхъ жизненныхъ потребностей, они имѣли полную возможность отдаваться смѣлымъ предпріятіямъ, льстившимъ ихъ честолюбію, и посвящать все время охотѣ или же воинскимъ упражненіямъ. Ихъ одноплеменники охотно предоставляли имъ почести и разнаго рода выгоды за то, что они охраняли ихъ стада и земли. вмѣстѣ съ имуществомъ переходили отъ отца къ сыну его занятія и воинственный духъ, и чѣмъ выше военныя фамиліи цѣнили славу своихъ предковъ, чѣмъ больше сознавали важность своего значенія для общества, тѣмъ вышекомѣннѣе стали обходиться съ поселянами, за которыми исключительно осталось названіе вайсеевъ. Такимъ образомъ возникло особое сословіе кшатріевъ, котораго имя происходитъ отъ санскритскаго слова, означающаго силу, и которое составило привилегированную касту, присвоившую себѣ монополію военной службы и недопускавшую въ свой кругъ людей другихъ сословій. Въ кругу этого сословія сохранилась память о подвигахъ храбрости предковъ, о жаркихъ битвахъ минувшаго времени; пѣвцы царскіе и знатныхъ дворянскихъ родовъ пѣли древнія пѣсни въ жертвенныя празднества и на похоронныхъ пирахъ или складывали для нихъ новыя пѣсни, изъ которыхъ мало-по-малу составилъ индійскій эпосъ.

Такимъ образомъ аріи раздѣлились на два сословія: дворянство и поселянъ (т. е. земледѣльцевъ и пастуховъ), которые, при многотрудныхъ ежедневныхъ занятіяхъ, не позволяв-

шихъ имъ заботиться объ умственномъ образованіи и сохраненіи тѣлесной чистоты, вскорѣ стали считаться неравно-рожденными и заняли низшее мѣсто въ общественной іерархіи. Когда со-временемъ, съ успѣхами образованности, отношенія и потребности получили разнообразнѣйшее развитіе, когда деревенская простота не правила уже ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, ни въ постройкѣ домовъ, ни въ домашней утвари и когда сношенія съ иностранными народами умножили богатство и приучили къ удовольствіямъ, тогда многіе изъ вайсеевъ обратили свою дѣятельность на фабричную и ремесленную промышленность, на торговлю и денежные спекуляціи. Какъ въ германскомъ средне-вѣковомъ христіанствѣ изъ средняго сословія родилось городское гражданство, точно такъ-же вайси составляли большинство жителей въ многолюдныхъ городахъ, прамыкавшихъ къ царскимъ дворцамъ или къ замкамъ князей, и достигли значительной степени благосостоянія. Но это нисколько не увеличило ихъ значенія. Напротивъ, индійцы, подобно другимъ древнимъ народамъ арійскаго происхожденія, мало уважали ремесла и торговлю, а потому купецъ и промышленникъ, какъ бы они ни были богаты, въ общественномъ мнѣніи стояли ниже земледѣльца, обработывавшаго свой участокъ.

Какъ долго войны сохраняли за собою первенствующее положеніе въ обществѣ, мы, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, можемъ опредѣлить только приблизительно. Безъ всякаго сомнѣнія оно продолжалось до тѣхъ, поръ, пока не кончились завоеванія. Но когда наступили мирныя времена, опаснымъ соперникомъ кшатріевъ явились жрецы, которые въ первые вѣка послѣ переселенія, какъ видно изъ Ведъ, еще не составляли особеннаго класса, а тѣмъ болѣе не были руководителями общества, хотя уже и тогда пользовались значительнымъ авторитетомъ, благодаря набожности аріевъ, заста-

Дж

влявшей ихъ приписывать побѣды покровительству боговъ, приобрѣтаемому посредствомъ угодныхъ имъ молитвъ и правильныхъ жертвоприношеній. Воины энергически возстали противъ покушенія жрецовъ отнять у нихъ принадлежавшую имъ власть, и если-бы между ними не было раздоровъ, то вѣроятно они никогда не утратили бы первенства, а брамины никогда бы не приобрѣли его. Но одинъ кшатрій, прославившійся своею храбростію и жестокостію, по имени Парасу-Рама, мстя за оскорбленіе, нанесенное его семейству, принялъ сторону браминовъ и рядомъ кровавыхъ побѣдъ доставилъ имъ то значеніе, которое они до сихъ поръ удержали за собою и которое дало совершенно другое направленіе индійской жизни. Только въ весьма немногихъ мѣстностяхъ воинамъ удалось отстоять свое общественное положеніе; такъ, еще въ VI-мъ столѣтіи до Р. Х., мы встрѣчаемъ на Гангѣ народъ Вриджи, который управлялся по древнимъ обычаямъ фамиліями, принадлежавшими къ военному дворянству. Но подобные примѣры были не болѣе какъ исключеніе, по-крайней-мѣрѣ, въ области Ганга.

Съ этого времени браманизмъ утвердился и сообщилъ индійскому обществу законченную и неподвижную форму, искусно воспользовавшись народнымъ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ и основавъ на немъ знаменитую теорію космогоническаго происхожденія четырехъ кастъ изъ тѣла Брамъ: браминовъ — изъ головы верховнаго существа, кшатріевъ — изъ его рукъ, вайсьевъ — изъ лядвей и судровъ — изъ ногъ; вслѣдствіе чего существеннымъ свойствомъ первыхъ есть « святость и мудрость », вторыхъ « власть и сила », третьихъ « богатство и прибыль », послѣднихъ « служба и повиновеніе ». Такъ-какъ каждый индусъ твердо убѣжденъ, что для того, чтобъ соединиться съ брамой, онъ долженъ послѣдовательно пройти чрезъ всѣ степени общественной іерархіи отъ судра до брамина, то поэтому онъ безроотно переносилъ долю, указанную ему

рожденіемъ, въ надеждѣ за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей при будущемъ переселеніи души сдѣлаться членомъ высшей касты, и такимъ образомъ приблизиться болѣе къ цѣли своихъ стремленій. Главный и основной законъ, на которомъ зиждется кастовый порядокъ, заключается въ слѣдующемъ: только дѣти, произошедшія отъ родителей одной и той-же касты, наследуютъ званіе и права своей касты; напр. браминъ долженъ происходить отъ отца и матери изъ браминской касты. Но предположеніе, что браки между отдѣльными кастами безусловно запрещены, совершенно ложно, хотя такіе браки и не одобряются законодательною книгой, и дѣти, рожденные отъ нихъ, образуютъ смѣшанныя касты, изъ которыхъ многія принадлежатъ къ нечистымъ. Особенно считается предосудительною супружеская связь женщины высшей касты съ мужчиной изъ низшей касты.

Первую и самую почетную касту составляютъ жрецы, которые въ странѣ Ганга замѣнили первобытное названіе прогитовъ именемъ браминовъ, т. е. молельщиковъ. Они одни имѣютъ законное право не только читать Веды, но и учить имъ и изъяснять ихъ смыслъ, а какъ Веды служатъ источникомъ учености, то брамины являются исключительными обладателями всего умственного достоянія Индіи. И въ-слѣдствіе того они — судьи и врачи: ибо каждая болѣзнь почиталась наказаніемъ за какое-нибудь преступленіе или грѣхъ, и каждую болѣзнь, по ученію браминовъ, можно вылѣчить разными таинственными формулами, разными покаяніями и извѣстными религіозными и аскетическими обрядами. Въ случаѣ надобности, брамину дозволяется заниматься дѣлами и ремеслами двухъ низшихъ кастъ, но онъ никогда не долженъ снискивать пропитанія отъ соблазнительныхъ искусствъ, каковы музыка и танцы, и отъ найма въ услуженіе, не можетъ давать денегъ въ ростъ, если занимаемая деньга не предназначаются для религіозной цѣли, и не

долженъ, никогда торговать опьяняющими напитками, коровьимъ масломъ, молокомъ, сезамомъ (кунжутомъ) или льняными и шерстяными тканями. Различіе занятій, допускаемое закономъ только въ видѣ уступки, вынужденной необходимостью, произвело различныя отдѣленія браминовъ, между которыми посвящающіе себя изученію и толкованію Ведъ занимаютъ первое мѣсто. Самые цари преклоняются съ благоговѣніемъ передъ ними, какъ сверхъ-человѣческими существами, которымъ подвластны сверхъ-естественныя силы. Браминъ, приготовляющій себя къ этому высокому званію, обязанъ, когда исполнится ему 16 лѣтъ, избрать себѣ опытнаго наставника, который называется гуру и котораго, какъ духовнаго своего отца, онъ долженъ болѣе всѣхъ любить и уважать, даже болѣе, чѣмъ роднаго отца, потому что «духовное родство важно не только въ этой жизни, но и въ грядущей». Гуру не получаетъ ничего за свои наставленія и только, по окончаніи полнаго курса ученія, усвоивъ вполнѣ содержаніе Ведъ и все къ нимъ относящееся, ученикъ можетъ предложить ему незначительное вознагражденіе, какъ знакъ своей признательности. Курсъ этотъ продолжается отъ 9 до 18 и даже до 36 лѣтъ, смотря по различію способностей учащагося. Во время своей старости браминъ обыкновенно удаляется въ какое-нибудь уединенное мѣсто и посвящаетъ остатокъ своихъ дней аскетическимъ обрядамъ и индійскому самоуглубленію. Чтобъ показать неизмѣримое превосходство браминовъ надъ прочими кастами, книга Ману дѣлаетъ слѣдующее характеристическое сравненіе между ими и кшатріями: десятилѣтній браминъ и кшатрій, дожившій до 100 лѣтъ, должны быть разсматриваемы какъ отецъ и сынъ, и изъ нихъ первый есть отецъ и долженъ пользоваться уваженіемъ, подобающимъ отцу¹. Въ-особенности эпическія поэмы и религіозныя книги стараются

¹ Законъ Ману, 11, 135.

внушить высокое мнѣніе о жреческомъ санѣ. Вишвамित्रа, всемогущій царь, покорилъ всѣхъ своихъ враговъ, но когда, говорить Рамаяна¹, онъ вздумалъ вступить въ борьбу съ однимъ только браманомъ, побѣда оставила его. Цѣлый вѣкъ покаяній снискиваетъ ему благорасположеніе боговъ; онъ получаетъ отъ нихъ волшебное оружіе и нападаетъ на брамина, предметъ своей ненависти. Но дары неба преклоняются предъ могуществомъ жреца: по его слову, нисходитъ пламя и пожираетъ заколдованное оружіе. Тогда растерявшійся царь обращается вспять, восклицая: «могущество воина пустой сонъ, владычество надъ міромъ принадлежитъ брамину, одному брамину». Вишвамित्रа теперь хочетъ сдѣлаться браминомъ, цѣной неслыханныхъ эпитемій, онъ склоняетъ на свою сторону боговъ, но когда обратился къ брамѣ съ просьбой о возведеніи его въ жреческое достоинство, то получилъ отказъ. Тогда онъ возобновляетъ самостязанія, продолжавшіяся 1000 лѣтъ, и только теперь брама, уступая настоятельной просьбѣ боговъ, снисходитъ на его желаніе; изъ всѣхъ людей, отъ начала вѣковъ, одинъ только Вишвамित्रа поступилъ въ касту жрецовъ. Благоговѣніе и преданность къ браминамъ вмѣняется въ особо священную обязанность всѣмъ сословіямъ. Приходитъ ли браминъ къ кому-нибудь въ домъ, хозяинъ долженъ подать ему стулъ, съ покорностью его привѣтствовать, сѣсть подлѣ него, скрестивъ руки и, когда онъ выходитъ, провожать его. Никто не смѣетъ приказывать брамину молчать или называть его — ты. Въ законахъ Ману говорится, если кто вздумаетъ поучать брамина въ исполненіи своихъ обязанностей, то царь долженъ приказывать влить такому учителю въ уши и ротъ горячее масло.

Независимо отъ почета, брамины пользуются такими преимуществами и льготами, какихъ, кромѣ Индіи, не представляетъ

¹ *Rāmāyana*, 1, 51—65 (изд. Шлегеля).

ни одно изъ извѣстныхъ намъ законодательствъ. Всѣ лица, принадлежащія къ этой кастѣ, избавлены отъ смертной казни и, въ случаѣ уголовного преступленія, подвергаются только изгнанію или денежной пени. Ихъ земли освобождены отъ налоговъ. Если законъ позволяетъ заимодавцу брать съ судра по 5% въ мѣсяцъ, съ вайсіа 4%, съ кшатрія 3, то въ отношеніи брамина онъ долженъ довольствоваться 2 процентами. Съ другой стороны, въ своей повседневной жизни, брамины подчинены множеству тягостныхъ обрядовъ, которые они обязаны исполнять съ педантской точностью. Волосы и ногти у нихъ должны быть обрѣзаны, въ знакъ того, что они должны обуздывать свои страсти. Они не могутъ употреблять въ пищу смолистыхъ веществъ, масличныхъ растений и всего того, что смѣшано съ сезамомъ, а также ничего изъ царства животнаго, исключая мяса убитыхъ жертвъ. Все, что имъ нужно говорить, вставая и ложась спать, опредѣлено самымъ подробнымъ образомъ. Браминъ не можетъ смотрѣть ни на восходящее, ни на заходящее солнце, ни въ то время, когда оно стоитъ на полуднѣ, и не можетъ видѣть своего образа въ рѣкѣ. Если ему случается проходить мимо дерева, коровы, истукана, горшка съ растопленнымъ масломъ или медомъ, мѣста, гдѣ сходятся дороги, и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, то онъ долженъ стараться, чтобы эти предметы были у него по правую руку. Ему запрещается ступать на золу, черепки, сѣмена хлопчатой бумаги, снопы хлѣба, а также раздѣлять столъ съ своею женою или лицомъ, принадлежащимъ къ низшей кастѣ, не исключая царя. Однимъ словомъ, случаи, предосудительные для чистоты брамина, безчисленны, и до какой мелочной подробности простираются эти требованія, можно судить изъ предписаній объ отравленіи естественныхъ потребностей, о которыхъ книга Ману распространяется, какъ о предметѣ величайшей важности.

Но, смиривъ гордость воиновъ, брамины далеки были отъ мысли

уничтожить ихъ. Напротивъ, они старались основать гармонію между обѣими кастами, выставляя на видъ солидарность ихъ интересовъ. «Кшатріи не могутъ благоденствовать безъ браминовъ, говоритъ Ману,¹ ни брамины возвыситься безъ кшатріевъ; соединившись другъ съ другомъ классы жреческій и военный господствуютъ въ этомъ мірѣ и другомъ». По этому, уступивъ первенство браминамъ, воины, при содѣйствіи ихъ, тѣмъ безпрепятственнѣе заняли вторую почетную степень въ обществѣ. Только изъ среды ихъ, по закону, могутъ избираться индійскіе цари или раджи, хотя это правило на практикѣ не всегда исполнялось, и престолъ иногда занимаемъ былъ даже судрами. Назначеніе воиновъ—защита народа, только въ случаѣ крайней нужды имъ позволяется избирать образъ жизни слѣдующей касты; они имѣютъ право читать Веды, но не могутъ объяснять ихъ, обязаны давать милостыню, но не смѣютъ принимать. Получая отъ царя жалованье, оружіе и другія военныя потребности и владея сверхъ того поземельною собственностью, перѣдко весьма значительною, кшатріи имѣли полную возможность вести беззаботную жизнь. Монгольскіе и магометанскіе завоеватели почти совершенно истребили эту касту, такъ-что въ настоящее время потомковъ древнихъ воинскихъ родовъ остается чрезвычайно мало.

Третья каста—ваисіевъ обнимаетъ земледѣльцевъ, пастуховъ, ремесленниковъ, купцовъ, вообще все промышленное народонаселеніе. Ваисіи имѣютъ право читать Веды и пользуются участіемъ въ жертвоприношеніяхъ, но не могутъ изъяснять священныхъ книгъ и обязаны платить значительныя подати. Подати эти составляютъ $\frac{1}{8}$, а въ случаѣ надобности даже $\frac{1}{4}$ произведеній жатвы, $\frac{1}{6}$ сбора древесныхъ плодовъ, цвѣтовъ, овощей и меду, $\frac{1}{6}$ чистаго дохода отъ скотоводства и денеж-

ныхъ капиталовъ и $\frac{1}{20}$ стоимости товаровъ, предназначенныхъ къ продажѣ.

Эти три высшія касты подъ именемъ двидша, т. е. дважды рожденныхъ, образуютъ, такъ сказать, одно цѣлое въ отношеніи къ послѣдней кастѣ служащихъ, и какъ отличительный знакъ своего достоинства, носятъ чрезъ плечо священные шнуры, но между собою онѣ отдѣлены самыми опредѣленными границами. До какой степени простирается эта мелочная точность, можно видѣть изъ одного примѣра: длина трости, которую вправѣ носить каждый, назначена закономъ: трость брамина длиною выше его головы, трость воина не можетъ быть выше его лба, трость промышленника можетъ касаться только его носа.

Четвертая каста—судровъ, или служащихъ, отдѣляется отъ прочихъ непреступною преградой. Къ ней, по исчисленію Варда, принадлежитъ около $\frac{2}{3}$ всего народонаселенія Индіи. Назначеніе судровъ есть служить высшимъ кастамъ, въ-особенности же браминамъ, ибо тотъ, который служитъ вѣрно брамину, имѣетъ утѣшительную надежду во время будущаго переселенія души сдѣлаться членомъ высшей касты. О положеніи этого класса находимъ любопытныя подробности въ туземныхъ законахъ. Если, побуждаемый любознательностью, судръ прислушивался къ чтенію священныхъ книгъ, то ему вливали въ уши горячее масло; если же онъ заучивалъ ихъ наизусть, то его предавали смерти; если онъ совершалъ какое-либо преступленіе, то подвергался болѣе строгому наказанію, чѣмъ то, которое назначалось высшему лицу; если же его убивали, то отвѣтственность за это была такая-же, какъ за убіеніе собаки, кошки или вороны. Самое имя, которое давали ему при рожденіи, должно было выражать презрѣніе, дабы тотчасъ можно было узнать мѣсто, принадлежащее ему въ обществѣ. Законъ запрещаетъ члену рабочей касты наживаться изъ опасенія, чтобы онъ не зазнался; другимъ постановленіемъ опредѣлялось, что судръ,

даже по полученіи свободы отъ своего хозяина, на самомъ дѣлѣ продолжаетъ быть работникомъ, « ибо, говоритъ законодатель, кѣмъ можетъ онъ быть выведенъ изъ состоянія, которое свойственно его природѣ » ¹.

Хотя отношенія судровъ къ высшимъ кастамъ нельзя уподобить отношенію рабовъ у древнихъ грековъ и римлянъ, ибо въ состояніе раба или невольника, по законамъ Ману, можно попасть или плѣномъ въ военное время или посредствомъ кабалы за долги, или наконецъ вслѣдствіе рожденія отъ рабыни; но, при всѣхъ своихъ строго опредѣленныхъ наслѣдственныхъ правахъ, состояніе судровъ врядъ-ли лучше положенія рабовъ у прочихъ образованныхъ народовъ, и значительно хуже участи этого класса въ самой Индіи, гдѣ, какъ видно изъ эпической и драматической поэзіи, рабы нерѣдко пользовались въ высокой степени довѣріемъ своихъ господъ и сохраняли очень вліятельное положеніе. Рабовъ — мужчинъ и женщинъ покупали какъ товаръ на базарѣ; впрочемъ никто не могъ имѣть своимъ рабомъ лице, принадлежащее къ высшей кастѣ.

Что касается нечистыхъ кастъ, которыхъ индійское законодательство производитъ отъ браковъ между лицами, принадлежащими къ разнымъ кастамъ, то на самомъ дѣлѣ это были частію остатки туземнаго населенія, которые не захотѣли подчиниться аріямъ, но — или жили среди ихъ по обычаямъ предковъ, или, удалившись въ лѣса и горныя ущелія, сохраняли нѣкоторую независимость, частію же это были арійскія племена, не принявшія браминскихъ нововведеній. Если законы предписываютъ этимъ кастамъ занятія, несомѣстныя съ достоинствомъ дважды рожденныхъ, однимъ напр. рыбную ловлю и приготовленіе сѣтей, а другимъ охоту, то не подлежатъ сомнѣнію, что такой былъ первоначальный образъ жизни этихъ остат-

¹ Ману, VIII, 414.

ковъ древняго народонаселенія. По словамъ Ману, отъ брака брамина съ женщиною изъ вайсіевъ произошли амбасты, о которыхъ индійскій эпосъ говоритъ какъ о варварскомъ народѣ, вооруженномъ булавами; отъ соединенія брамина съ судрянкой — нишадъ, обязанные заниматься исключительно рыбною ловлею, а отъ соединенія вшатрія съ женщиною изъ низшей касты — угра, которыхъ назначеніе ловить и убивать животныхъ, обитающихъ въ пещерахъ. Строже всего запрещалось супружеское смѣшеніе судры съ дочерью брамина, потому что «дурное сѣмя, брошенное на хорошую почву, приноситъ плоды еще вреднѣе, нежели хорошее сѣмя, которое упало на дурную почву». Дѣти отъ такого брака причислялись къ чандаламъ, презрѣннѣйшимъ смертнымъ, которые первоначально были многочисленнымъ не арійскимъ племенемъ въ области Ганга, не подчинившимся законамъ аріевъ, и которые въ Рамаянѣ изображаются похожими на обезьянъ, черными, красноглазыми тварями въ грязной одеждѣ или закутанными въ медвѣжьи шкуры. По индійскимъ законамъ, они лишены всякихъ человѣческихъ правъ, обязаны жить внѣ городовъ и селъ, встрѣча съ ними оскверняетъ брамина, по этой причинѣ въ населенныя мѣста они могутъ приходить только днемъ и должны давать знать о себѣ крикомъ для того, чтобы можно было уклониться отъ встрѣчи съ ними. Имъ запрещено имѣть домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ самыхъ презрѣнныхъ, какъ то — собакъ и ословъ, и употреблять другую посуду, кромѣ ломаной. Они живодеры издохшихъ животныхъ, могильщики для умершихъ безъ родства и исполнители судебныхъ приговоровъ надъ осужденными на смерть преступниками, которыхъ одежда и постель достаются имъ. Индійскіе законы не постановляютъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ чандаламъ. Прежде ихъ можно было убивать безъ всякой отвѣтственности; со времени утвержденія англійскаго владычества, хотя это измѣнилось, но и теперь бра-

манскій индусъ считаетъ грѣхомъ подать помощь чандалѣ, видя его погибающимъ. Это презрѣніе къ не арійскимъ народнымъ остаткамъ перешло въслѣдствіи и въ Деканъ, гдѣ въ такой-же животной подчиненности содержались паріи, какъ на Гангѣ чандалы, отъ того имя паріевъ, о которомъ не упоминается въ индійской законодательной книгѣ, европейцы перенесли на всѣ нечистыя касты, признаваемыя за изверженіе человѣчества. И теперь еще, по словамъ путешественниковъ, на Малабарскомъ берегу есть племя, Пуліи, которымъ запрещено даже строить хижины и которые живутъ въ лѣсахъ, подобно дикимъ звѣрямъ, устраивая родъ гнѣзда на большихъ деревьяхъ ¹.

Изъ вышесказаннаго мы ясно видимъ, что неограниченная власть браминовъ, въ теченіи вѣковъ, постепенно успѣла зако-вать свободу человѣческаго ума въ желѣзныя формы духовной тиранніи. «Прошли тысячелѣтія и народонаселеніе безчислен-ныхъ милліоновъ, какъ-бы пораженное небеснымъ пролѣтіемъ, покоилось безчувственнымъ сномъ умственной летаргіи, слѣпое, жалкое орудіе хитрыхъ жрецовъ, терпѣливое игралище суевѣ-рія, лѣности и умственного разврата. Трудно повѣрить, что нѣкоторые извѣстные писатели прошедшихъ и нашихъ временъ думали найти истинное блаженство народа въ подобномъ па-губномъ, унижительномъ состояніи индостанскаго міра, гдѣ чело-вѣчество упало ниже животнаго, потому что оно забыло свое высшее назначеніе, презрѣло свое лучшее достоинство, зарывъ въ землю талантъ, ввѣренный ему Провидѣніемъ» ².

Обезпечивъ за собою первенствующее положеніе въ обществѣ, жречество не посягнуло однако-же на свѣтскую власть и не думало о введеніи іерархическаго царства, потому ли, что оно опасалось лишиться нравственнаго вліянія черезъ смѣшеніе вла-

¹ Ritter, Asien, T. IV, Sect. 1, p. 929.

² Дунинъ, «Взглядъ на жизнь индостанскаго народа» въ Журн. мин. нар. просвѣщ. Часть 15, 1837, стр. 45.

сти духовной съ свѣтскою, или же, быть можетъ, потому, что оно считало свои сословныя права лучше огражденными подъ правленіемъ царя изъ низшей касты, нежели подъ правленіемъ царя-жреца. Индійскіе цари принадлежали къ кастѣ кшатріевъ, и слѣдовательно въ религіозно-политическомъ отношеніи стояли ниже брамановъ, но въ то-же время, какъ представители земной власти и самодержавія, они повелѣвали послѣдними. Браминны въ отношеніи къ царю были такіе-же рабы, какъ и всѣ другіе его подданные, но ему вмѣнялось въ религіозную обязанность оказывать имъ почести, избирать преимущественно изъ среды ихъ своихъ совѣтниковъ, судей и высшія должностныя лица и щедро награждать святыхъ мужей всякаго рода подарками и приношеніями, потому что «сокровище, довѣряемое царемъ браманамъ, говоритъ Ману,¹ не пропадаетъ: его ни враги, ни воры не могутъ похитить; жертва, принесенная браманамъ, важнѣе жертвы сожженія». Да и могъ ли царь пренебречь своею обязанностью въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ святая жертва и молитвенная сила имѣютъ власть надъ самыми богами и которые только чрезъ свое торжественное помазаніе даютъ царскому достоинству божественное освященіе и религіозный характеръ.

Собственный интересъ индійскихъ царей побуждалъ ихъ ладить съ браманами, потому что ихъ ученію они преимущественно обязаны были своею верховною и неограниченною властью. Въ тѣ времена, когда аріи жили на Индѣ и въ Пятирѣчьи, царь былъ только первый между равными, какъ Индра между прочими богами, и дворянство, которое окружало и защищало престолъ, вмѣстѣ съ воинскимъ искусствомъ и доблестями, передавало въ наслѣдство потомкамъ свои права и притязанія, но эти отношенія должны были измѣниться послѣ того, какъ аріи

¹ Ману, VII, 82—86.

сдѣлались обладателями обширной страны, въ - особенности по утвержденіи ихъ въ области Ганга, и царская власть прежде ограниченная мало-по-малу обратилась въ деспотическую. Такой перемѣнѣ способствовали слѣдующія обстоятельства: а) завоевательныя войны, благодаря которымъ, цари пользовались болѣе или менѣе продолжительною диктатурой; б) роскошная природа вновь приобрѣтенныхъ странъ, съ ея знойнымъ разслабляющимъ климатомъ, и наконецъ с) замѣнившая прежнюю народную вѣру религія брамановъ, которая, проповѣдуя терпѣливое послушаніе и слѣпую покорность судьбѣ и призывая своихъ послѣдователей болѣе заботиться о будущей жизни, нежели заниматься дѣйствительностью, должна была парализовать всѣ дѣятельныя способности народа и необходимо привести его къ апатіи. Въ каждомъ же выродившемся обществѣ, гдѣ жители утратили энергію и слишкомъ дорожатъ спокойствіемъ, деспотизмъ находитъ для себя благопріятную почву, и потребность защиты такъ велика, что люди охотно жертвуютъ своею свободою и другими человѣческими правами лишь бы только пользоваться безопасностью. Въ Магабгаратѣ старѣйшины совѣта, скрестя руки, привѣтствуютъ возвращающагося царя Наля словами: «теперь мы безопасны въ городѣ и въ провинціи», а Рамайна представляетъ слѣдующую апологію царской власти, изображая яркими красками гибельныя слѣдствія безначалія: «страна безъ царя то-же, что жена, потерявшая мужа, или стадо безъ пастуха, тамъ никто не имѣетъ собственности, и люди, подобно рыбамъ, глотаютъ другъ друга; гдѣ нѣтъ царя, тамъ Индра не наполаетъ изсохшей нивы небесною росой, тамъ не обсеваются поля и сынъ не слушается своего отца; тамъ ни одинъ зажиточный человѣкъ не строитъ дома и не разводитъ увеселительной рощицы и ни одинъ благочестивый не сооружаетъ храма, тамъ свѣдущіе въ жертвенныхъ обрядахъ брамины не приносятъ жертвы; тамъ не пляшутъ на народныхъ

сборищахъ во время веселыхъ праздниковъ и не тѣснится вокругъ пѣвца толпа внимательныхъ слушателей; тамъ не гуляютъ въ садахъ золотомъ убранныя дѣвы, поселянинъ и пастухъ не могутъ спать спокойно при открытыхъ дверяхъ и купецъ не смѣетъ показаться на дорогѣ съ своими товарами».

Законодательная книга идетъ далѣе: она не ограничивается доказательствомъ необходимости царской власти, но и отождествляетъ царей съ богами. «Тотъ, говоритъ она, чье благорасположеніе распространяетъ дары счастія, чей гнѣвъ приноситъ смерть, а храбрость рѣшаетъ побѣду,—соединяетъ въ себѣ все величіе міроправителей. По самому происхожденію своему, царь стоитъ выше прочихъ смертныхъ, ибо Брама создалъ его изъ сущности восьми покровителей міра, которые живутъ въ его лицѣ и охраняютъ его отъ всякой нечистоты. Подобно имъ, онъ представляетъ собою четыре міровые періода, въ которыхъ человѣческая добродѣтель и счастіе являются въ постепенномъ упадкѣ. Отъ его сна и бодрствованія и отъ того, какъ онъ ведетъ себя, зависитъ благосостояніе цѣлой страны. Если царь дѣлаетъ добро, то въ его царствѣ—крта-юга (періодъ боговъ, т. е. золотой вѣкъ); если онъ дѣйствуетъ энергически, то—трета-юга (періодъ жертвенныхъ празднествъ); если онъ просыпается—дивапара-юга (періодъ сомнѣнія), если онъ спитъ—кали-юга¹ (періодъ грѣховъ и бѣдствія). Царя должно бояться, если даже онъ дитя, потому что онъ—могущественное божество, являющееся въ человѣческомъ образѣ».

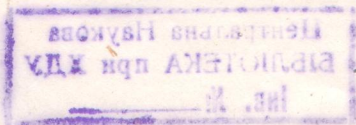
Хотя деспотическое правленіе, по существу своему, вездѣ одно и то-же, относясь къ народу, какъ къ стаду безсловесныхъ животныхъ, нуждающихся въ постоянной опецѣ, но, по своимъ результатамъ, оно бываетъ различно въ примѣненіи къ практической жизни, смотря потому, проявляется ли въ грубыхъ

¹ Ману, IX. 301, 302.

83846

или гуманныхъ формахъ и что руководить дѣйствіями главы государства—заботливость ли объ интересахъ народа, на сколько они совмѣстны съ его полновластіемъ, или же необузданный произволъ, не признающій надъ собою ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ и эксплуатирующій массы народа, для удовлетворенія низкихъ инстинктовъ кровожадности и корыстолюбія. Поэтому брамины, вручивъ царю неограниченную власть, позаботились, чтобъ она не была направляема имъ во вредъ того, что, по понятіямъ ихъ, составляло общественное благо, и съ этою цѣлью наложили на него нѣкоторыя правственныя обязанности, которыя хотя ничѣмъ не были гарантированы, кромѣ угрозы кары въ будущей жизни, но на точное исполненіе которыхъ, при своемъ громадномъ авторитетѣ, они имѣли полное основаніе рассчитывать, не прибѣгая къ мѣрамъ понужденія.

Индійское законодательство предписываетъ царямъ: охранять неприкосновенность законовъ, въ которыхъ, какъ дарованныхъ людямъ посредствомъ откровенія, ни они, ни нація не могли дѣлать никакихъ измѣненій; имѣть бдительный надзоръ за администраціей, дабы не вкрались въ нее какія-либо злоупотребленія, и не истощать страны налогами. Такъ какъ одному трудно управлять обширнымъ государствомъ, то царь долженъ избрать себѣ семь или восемь совѣтниковъ изъ числа лицъ хорошаго происхожденія, свѣдущихъ въ законахъ и опытныхъ въ войнѣ и, взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, совѣтоваться съ ними сначала по-одиночкѣ, а потомъ со всеми вмѣстѣ, послѣ чего онъ дѣлаетъ то, что ему кажется лучше. Впрочемъ, въ случаяхъ особенной важности, ему рекомендуется испрашивать мнѣнія какого-нибудь мудраго брамина и сообразоваться съ этимъ мнѣніемъ при составленіи окончательнаго рѣшенія.

Контроль законовъ простирается не на одну только государственную, но и на частную жизнь царя. Онъ обязанъ вступать въ бракъ съ женщиной изъ своей касты, онъ долженъ жить въ укрѣпленномъ замкѣ, находящемся въ уединенномъ положеніи. Чуть начинало свѣтать, царя будили его собственные пѣвцы и подавали ему въ золотыхъ сосудахъ для умыванья воду, настоянную на сандалномъ деревѣ. Выслушавъ поученіе отъ брамина, знакомаго съ содержаніемъ Ведъ, и принеся богамъ жертвенные дары съ помощію своего домашняго духовника, царь являлся въ пріемную залу, гдѣ его ожидали просители, и производилъ судъ, послѣ чего онъ долженъ заниматься съ своими министрами государственными дѣлами. Во время обѣда онъ можетъ идти въ свои покои для вкушенія пищи, но — только разрѣшенной священными законами. Послѣ стола онъ удаляется на нѣкоторое время въ свой гаремъ, а потомъ занимается снова государственными дѣлами и производитъ смотръ войскамъ и оружію. Вечеромъ, по захожденіи солнца, онъ снова обязанъ исполнять предписанные религіею обряды и затѣмъ уже, выслушавъ донесенія шпіоновъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ своего дворца, отправляется въ гаремъ, гдѣ дозволяется ему подкрѣпить себя умѣренной пищей и позабавиться музыкой, прежде чѣмъ онъ предается успокоенію сна¹. Вотъ повседневная жизнь индійскаго раджи, предписанная законами Ману.

Кромѣ опеки браминовъ, еще два обстоятельства способствовали тому, что въ Индіи деспотизмъ проявлялся въ менѣ грубыхъ формахъ въ сравненіи съ другими странами азіатскаго востока. Это: а) существованіе феодальной системы, на практикѣ ограничивавшей полновластіе царя, хотя, по закону, онъ былъ въ-правѣ, какъ замѣтилъ уже Страбонъ², требовать отъ

¹ Ману, VII, 224 — 226.

² XV, с. 717, 67 (см. въ Bibliotheca Teubneriana «Strabonis Geographica». Vol. III, p. 464).

своихъ вассаловъ божескихъ почестей, и в) общинное устройство, которое хотя ведетъ свое происхожденіе отъ глубокой древности и не есть продуктъ централизаціи, установленный браминами, но котораго послѣдняя не коснулась вѣроятно потому, что индійскіе политики, такъ-же какъ и новѣйшіе, очень хорошо понимали, что для того, чтобъ господствовать надъ народомъ, нужно раздѣлить его, и что если онъ обезпеченъ въ матеріальныхъ нуждахъ и имѣетъ нѣкоторые развлеченія, то, при незнакомствѣ его съ высшими духовными благами, ему не прійдетъ въ голову составлять заговоры. Въ Индіи каждая община пользовалась правомъ избирать чиновниковъ, составлявшихъ мѣстную администрацію, и если она исправно уплачивала подати, то высшее центральное правительство почти не мѣшало въ ея дѣла. Къ сожалѣнію, при существованіи кастъ, этотъ элементъ свободы никогда не могъ вполне развиваться и не имѣлъ никакого вліянія на прочія отрасли управленія. Великая идея отечества, придающая особую цѣну жизни и одушевляющая чувствомъ чести германскіе и славянскіе народы, совершенно чужда индійцамъ. Каждый городъ, каждая деревня образуетъ особый міръ. До утвержденія англійскаго владычества въ Индіи, непрерывныя войны, нарушая безопасность поселянина, были причиной, что большая часть жителей разбѣжалась по отдаленнымъ провинціямъ и цѣлые округа опустѣли; но выселившаяся часть населенія постоянно находилась въ сношеніяхъ съ своею деревнею и, когда спустя долгое время англичане возстановили міръ, внуки спокойно вступили въ жилища своихъ дѣдовъ, какъ будто-бы не было никакой перемѣны, и древняя машина снова приняла свой обычный ходъ. Этотъ ходъ состоитъ въ томъ, что никому нѣтъ дѣла до цѣлаго и каждый знаетъ только своего ближайшаго начальника. Въ каждой деревнѣ произведеніе жатвы считается общимъ, и каждому, кто занимается въ общинѣ какое-нибудь мѣсто, назначенное древ-

ними законами, удѣляется слѣдующій ему участокъ. Изъ всей жатвы сначала отдѣляется то, что принадлежитъ владѣтелю цѣлой страны, потомъ часть, принадлежащая главному жрецу и правителю округа, за-тѣмъ слѣдуютъ пай чиновниковъ общины, имѣющихъ на нихъ законное право. Къ числу такихъ чиновниковъ принадлежать: *поталъ*, почетнѣйшій изъ жителей, завѣдующій полицейскимъ надзоромъ и собираніемъ податей, *курнъ*, въ рукахъ котораго находятся книги и отчеты, относящіяся къ поземельной собственности, *тотикъ* — гражданскій судья; далѣе чиновникъ, имѣющій надзоръ за неприкосновенностію границъ деревенской земли и участка каждаго жителя; смотритель прудовъ и каналовъ, завѣдующій распредѣленіемъ воды, столь необходимой для земледѣлія на востокѣ; потомъ слѣдуютъ: браминъ, отправляющій богослуженіе въ деревнѣ, школьный учитель, обучающій дѣтей читать и писать на санскритѣ, какъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, браминъ — составитель календаря, указывающаго счастливыя и несчастныя дни и часы для посѣва и молотбы хлѣба. Даже ремесленники и лица, служашіе для увеселенія общества, получаютъ содержаніе на счетъ деревни, какъ-то: каменщикъ, столяръ, кузнецъ, горшечникъ, деревенскій врачъ, танцовщица, музыкантъ и стихотворецъ. Остальное за-тѣмъ количество раздѣляется между жителями, соразмѣрно величинѣ участка каждаго владѣльца. Подобная іерархія чиновниковъ существовала и въ городахъ. Страбонъ¹ упоминаетъ объ инспекторахъ рѣкъ, охоты, общественныхъ дорогъ, смотрителяхъ за нравственностію гражданъ и разными ремеслами и искусствами, составлявшими предметъ занятій жителей. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи существуютъ цехи ремесленниковъ и купцовъ, которые занимаютъся разборомъ тяжбъ, возникающихъ въ кругу ихъ корпорацій,

¹ См. тамъ-же, стр. 448.

и которыхъ старосты, какъ видно изъ буддійскихъ легендъ, имѣли право постановлять рѣшенія, обязательныя для ихъ со-
членовъ, и за неисполненіе этихъ рѣшеній назначать денежныя
штрафы.

Индійское законодательство придавало величайшую важность
правосудію, подъ которымъ оно предпочтительно разумѣло дѣй-
ствіе карательной власти и для поддержанія котораго имъ пред-
лагается система устрашеній, болѣе или менѣе общая всѣмъ
деспотическимъ государствамъ, съ тою разницею, что въ Ин-
діи система эта проведена съ строгою послѣдовательностію, от-
личающею теократическія правительства. Брамыны выходили изъ
положенія, что человѣкъ по своей природѣ склоненъ ко злу и
что только страхъ наказанія можетъ удержать его отъ нару-
шенія правъ другаго. Въ этомъ отношеніи они сошлись съ од-
нимъ писателемъ начала XIX стол., челоѣкомъ гениальныхъ
способностей, но глашатаемъ, какъ называетъ его Лоранъ, про-
шедшаго, который не усумнился объявить, что «страхомъ и
связью челоѣческаго общества служить палачъ; лишите міръ,
говорить онъ, этого агента и въ ту-же минуту хаосъ замѣнитъ
порядокъ, престолы поколеблутся и общество погибнетъ»². Эти
слова де Местра въ-точности выражаютъ взглядъ браминовъ на
правосудіе; послушаемъ индійскаго законодателя: «наказаніе
управляетъ челоѣческимъ родомъ; оно одно защищаетъ его,
наказаніе бодрствуетъ, когда все спитъ, наказаніе есть право-
судіе, говорятъ мудрецы. Не наказывая неумолимо царь винов-
ныхъ, то сильный изжарилъ бы слабого, какъ рыбу на раширѣ;
ворона стала бы клевать жертвенный рисъ, а собака лизать
очищенное масло; не было бы собственности, и челоѣкъ изъ пре-
зрѣннѣйшей касты занялъ бы мѣсто въ самой высшей. Только

¹ Histoire du droit des gens, T. 1-er, p. 138.

² De Maistre, Soirées de St.-Petersbourg. 1-er Entretien.

тамъ, гдѣ черная кара уничтожаетъ краснымъ глазомъ преступника, люди живутъ безопасно; трудно найти человѣка, который дѣлалъ бы добро по своей природѣ; боги, духи и гиганты исполняютъ свои обязанности только изъ страха наказанія¹. Мысль, выраженная въ книгѣ Ману и де Местромъ, одна и та-же; но не должно забывать, что индійскій законодатель имѣлъ дѣло съ обществомъ, гдѣ находилось еще много варварскихъ и грубыхъ элементовъ, между тѣмъ какъ европейскій мыслитель принадлежитъ вѣку, который вѣритъ въ достоинство человѣческой природы и отъ котораго, по-видимому, не далеко то время, когда общество вовсе не будетъ имѣть надобности въ услугахъ палача. Полагая сущность правосудія въ карательныхъ мѣрахъ и опасаясь, чтобы царь по чувству милосердія не увлекался къ пощадѣ, Ману представляетъ строгое исполненіе уголовныхъ законовъ заслугой, которую боги награждаютъ земными и небесными благами. «Подавляя злыхъ, говоритъ онъ, и покровительствуя добрымъ, царь очищается точно такъ-же, какъ браминъ принесеніемъ жертвы; царство его будетъ процвѣтать, какъ дерево постоянно поливаемое». Какъ за покровительство, которымъ, при строгомъ поддержаніи порядка, пользуются добрые, часть ихъ заслугъ падаетъ на царя, такъ, на-оборотъ, чрезъ слабое и неправосудное исполненіе уголовныхъ законовъ, онъ навлекаетъ на себя часть содѣяннаго по его винѣ зла и подвергается за то наказанію здѣсь и тамъ. Законодательная книга по обыкновенію берется арифметически опредѣлить, какая часть добра и зла приходится на долю царя въ обоихъ случаяхъ. Если царь принимаетъ шестую часть жатвы и охраняетъ свой народъ страхомъ наказанія, то онъ пользуется также шестую частію заслуги всѣхъ добрыхъ дѣяній и шестую частью всѣхъ наградъ, ниспосы-

¹ Законы Ману, VII, 18, 20—24.

лаемыхъ небомъ народу за его жертвы, дары и моленія богамъ. Напротивъ, душа царя, который не охраняетъ своего народа и однакожь беретъ шестую часть его доходовъ, идетъ въ адъ; равно какъ и того, который наказываетъ невинныхъ, а не преступниковъ. Часть вины падаетъ на царя, хотя-бы онъ не самъ сдѣлалъ несправедливый приговоръ, а именно: четвертая часть несправедливаго рѣшенія обращается на того, кто началъ процессъ, другая четверть на ложнаго свидѣтеля, третья на судью, а четвертая на царя. «Правдиваго царя, свѣдущаго въ священномъ писаніи и не удаляющагося отъ путей закона, мудрые, говоритъ Ману, считаютъ способнымъ умножить добродѣтель, богатство и благосостояніе своихъ подданныхъ (три средства къ счастью). Къ нему стремятся народы, какъ рѣки къ океану».

Сопровождаемый браминами и опытными совѣтниками, царь долженъ являться въ судебную палату безъ всякаго блеска. Призвавъ на помощь мірохранителей, онъ приступаетъ, стоя или сидя, съ поднятою рукой, сосредоточивъ все свое вниманіе на дѣлѣ, къ разбирательству процессовъ. Подобно Ямѣ, судѣ подземнаго міра, онъ долженъ отрѣшиться отъ всякаго лицепріятія, подавить свой гнѣвъ и не давать воли чувствамъ. «Если право предстаетъ предъ судъ уязвленнымъ неправдой и царь не извлечетъ изъ него стрѣлы, то онъ самъ уязвляется ею». Изъ поступи обвиненныхъ, изъ цвѣта ихъ лица, изъ звука голоса, изъ взгляда и тѣлодвиженій царь долженъ угадывать ихъ мысли и доходить до истины, подобно тому, какъ охотникъ, преслѣдуя раненнаго звѣря, по кровавымъ слѣдамъ, добирается до его нѣщеры. Кромѣ этихъ признаковъ, для доказательства правоты или виновности нужны еще свидѣтели, а при недостаткѣ ихъ,—присяга, либо божескій судъ. Въ свидѣтели допускаются достойные люди изъ всѣхъ сословій, преимущественно же отцы семействъ; если же нѣтъ такихъ, то

друзья или враги обвиняемого, его слуги и лица, удрученные болѣзнію или бѣдностію. Въ случаѣ крайности, можетъ быть принимаемо показаніе женщины, дитяти и раба¹.

Законодательная книга въ сильныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ свидѣтелей не скрывать правды. «Злые, говоритъ Ману, думаютъ, насъ никто не видитъ, если мы сдѣлаемъ ложное показаніе. Но мірохранители знаютъ дѣйствія всѣхъ одушевленныхъ существъ и боги видятъ cadaго. Кроиъ того, у насъ есть собственный свидѣтель—душа, строгій судья и неумолимый мститель, обитающій въ нашемъ сердцѣ; душа составляетъ часть верховнаго духа, внимательнаго и спокойнаго наблюдателя всего добраго и злаго». Ложный свидѣтель не только навлекаетъ на себя бѣдствія въ этой жизни и подвергается адскимъ мученіямъ и цѣлому ряду страшныхъ возрожденій, но и губитъ также свое семейство и своихъ родственниковъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по важности предмета, къ которому относится его показаніе. Если дѣло идетъ о коровѣ, то изъ числа его родственниковъ 10 пойдутъ въ адъ, если о лошади—то 100, если же о человѣкѣ—то 1000².

При отсутствіи свидѣтелей царь долженъ для открытія истины привести къ присягѣ обвинителя и обвиняемого, которую, если онъ признаетъ нужнымъ, ему предоставляется повѣрить и подкрѣпить такъ называемымъ божескимъ судомъ. Браминъ клянется своею правдивостію, кшатрій своимъ оружіемъ, своею лошадью и слономъ, вайсій—своими коровами, своимъ хлѣбомъ и сѣномъ, а судра, за ложное показаніе, призываетъ на свою голову всѣ преступленія³. Если царь находитъ нужнымъ божескій судъ, то присягающій долженъ положить руку на головы своей жены или дѣтей, либо броситься въ рѣку, или же поло-

¹ Ману, VIII, 113.

² Ману, VIII, 75, 82. 89—99.

³ Ману, VIII, 1—3, 23—26, 61—80.

жить руку на огонь. Если въ первомъ случаѣ въ ту-же минуту не постигало его какое-нибудь несчастіе, если, по погруженіи въ воду, онъ не утопалъ и если пламя не обожгло его, то клятва признавалась правильною. Огонь, говоритъ законодательная книга, есть пробный камень виновности или невинности для всѣхъ людей; святой мужъ Ватса доказалъ свою невинность тѣмъ, что прошелъ чрезъ огонь, не опаливъ ни одного волоса на головѣ¹. При наклонности индійцевъ къ чудесному и ихъ вѣрѣ въ вмѣшательство боговъ въ дѣла человѣческія, не удивительно, что система божескаго суда, о которой книга Ману говоритъ какъ бы мимоходомъ, ограничиваясь выше приведенными чертами, въ теченіи времени получила такое широкое развитіе, что въ индійскомъ судопроизводствѣ считаютъ не менѣе девяти² различныхъ родовъ ордалій, и хотя англичане стараются въ подвластныхъ имъ провинціяхъ уничтожить этотъ варварскій обычай и замѣнить его доказательствомъ посредствомъ свидѣтелей, но попытки ихъ до сихъ поръ встрѣчали большія затрудненія.

О пространствѣ суда, принадлежавшаго представителямъ общины, до насъ не дошло положительныхъ свѣдѣній, равно какъ и о томъ, были ли въ округахъ или, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ, независимо отъ административныхъ чиновниковъ, коронные судьи, какъ утверждаютъ греческіе писатели, и если были, то въ чемъ состоялъ кругъ ихъ дѣятельности. Вѣроятно, каждый могъ принести лично жалобу царю, или же, по крайней мѣрѣ, подать ему апелляцію. Законодательная книга, сознавая, что одинъ царь не можетъ вынести столь тяжелаго бремени, предлагаетъ ему избрать себѣ намѣстника въ судѣ, если не исключительно, то преимущественно изъ лицъ брамин-

¹ Ману, VIII, 114—116.

² Cp. Die Indischen Gottesurtheile dargestellt von Prof. Stenzler въ Zeitschr. der deut. morgenländ. Gesellsch. за 1855 годъ, томъ 9-й, стр. 664.

скаго сословія, необязанныхъ богослуженіемъ, и назначить ему въ помощники трехъ другихъ браминовъ, свѣдущихъ въ священныхъ книгахъ. Эти четыре брамина образуютъ верховное судилище, рѣшенію котораго подлежатъ все уголовныя и гражданскія дѣла. Выборъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пасть на члена рабочей касты; «земля, въ которой судра предсѣдательствовалъ бы въ судѣ, по словамъ Ману, уподобилась бы коровѣ, попавшей въ болото».

Писатели XVIII стол. превозносятъ мягкость индійскаго характера. Счастливый климатъ, говоритъ Монтескье, который порождаетъ кроткіе нравы и гуманные законы¹. Монтескье ошибся. Уже Страбонъ замѣтилъ, что въ Индіи существовало право мести (*jus talionis*), основанное на законѣ строжайшаго возмездія: око за око, зубъ за зубъ,—этою характеристическою принадлежностію всехъ варварскихъ обществъ. Законодательная книга исчисляетъ все части тѣла, которыя могутъ быть поражаемы наказаніемъ: половые органы, желудокъ, языкъ, обѣ руки и ноги, носъ и уши,—однимъ словомъ, какой бы органъ ни былъ употребленъ преступникомъ для нанесенія вреда другому, царь долженъ приказать его отрубить, чтобъ воспрепятствовать возможности совершенія вновь такого-же преступленія. За воровство, произведенное ночью и сопровождавшееся взломомъ, виновный сажался на колъ, по отсѣченіи ему обѣихъ рукъ². Кромѣ того царь можетъ предать смерти всякаго вора, захваченнаго на мѣстѣ преступленія. Прелюбодѣаніе наказывалось съ особенною жестокостію: «если женщина, гордая своимъ происхожденіемъ и своими качествами, говоритъ Ману, измѣнить мужу, то царь долженъ приказать затравить ее собаками на площади, а соблазнителя ея сжечь на раскаленной желѣз-

¹ *De l'Esprit des Lois*, XIV, 15.

² Ману, IX, 276.

ной кровати¹. Такая жестокость казалась необходимою индійскому законодателю съ его точки зрѣнія на общественный порядокъ, потому что, по словамъ Ману, «отъ прелюбодѣянiя происходитъ въ мiрѣ смѣшенiе классовъ, а отъ смѣшенiя кастъ — нарушенiе обязанностей, которое причиняетъ разрушенiе рода человѣческаго и влечетъ за собою гибель вселенной». Излишне говорить, что злоумышленникамъ противъ особы царя и правъ верховной власти не было никакой пощады, хотя бы преступные замыслы ихъ не были приведены въ исполненiе и оставались однимъ только намѣренiемъ. «Кто въ безумiи своемъ станетъ оказывать ненависть къ царю, говоритъ законъ, тотъ да умретъ». Такое-же наказанiе назначалось и тому, кто подѣ царскiя распоряженiя сдѣлаетъ поддѣльную подпись, заведетъ ссору между министрами царя и вступить въ сообщество съ его врагами. Если же кто откажетъ ему въ повиновенiи или посягнетъ на царскую казну, тотъ «въ мученiяхъ долженъ испустить духъ». Виды смертной казни были слѣдующiе: обезглавленiе мечемъ или сѣкирой, удушенiе, посаженiе на колъ и растоптанiе слонами. Осужденнаго, украсивъ подобно жертвенному животному, выводили на лобное мѣсто, съ барабаннымъ боемъ провозглашали нѣсколько разъ его имя и объявляли ему приговоръ. Должно впрочемъ замѣтить, что законодательная книга дѣлаетъ важное дополненiе, въ которомъ проглядываетъ очевидное намѣренiе жрецовъ увеличить еще болѣе свой авторитетъ и придать религiознымъ предписанiямъ характеръ закона. Это дополненiе заключается въ томъ, что если виновный добровольно подвергъ себя установленнымъ очистительнымъ покаянiямъ, то онъ освобождался отъ тѣлеснаго и смертнаго наказанiя и могъ быть приуиждаемъ только къ денежнымъ штрафамъ. Но эти покаянiя въ нѣкоторыхъ случаяхъ были не легче

¹ Ману, VIII, 371—372.

самыхъ наказаній; такъ напримѣръ: кшатрій, убившій умысленно брамина, долженъ былъ застрѣлить себя или броситься въ огонь; если же убійство было не намѣренное, то ему предписывалось, для очищенія себя, исходить пѣшкомъ сто йоджанъ¹, читая стихи одной изъ трехъ Ведъ. За употребленіе горячихъ напитковъ, строго преслѣдуемое браминами, отъ кающагося требовалось, чтобъ онъ въ теченіи извѣстнаго времени пилъ кипятокъ, настоящий на рисѣ или же горячую мочу коровы. Кромѣ смертной казни и тѣлеснаго наказанія, виновные, смотря по общественному положенію ихъ и важности проступка, подвергались денежнымъ штрафамъ, заключенію въ тюрьму или смиренный домъ и выжиганію клейма на лбу, съ которыми обыкновенно соединялось исключеніе изъ касты.

Теократіи не безъ основанія обвиняють въ томъ, что онѣ искажаютъ нравственный законъ, представляя грѣхами безразличные поступки и придавая слишкомъ большое значеніе простымъ ошибкамъ. Индійское законодательство не свободно отъ этого упрека и кромѣ того страдаетъ другимъ вопіющимъ недостаткомъ, несомѣстнымъ съ идеею правосудія, назначая весьма неравномѣрные наказанія за одни и тѣ-же дѣянія. Браминъ, какъ-бы ни было велико его преступленіе, не могъ быть ни казненъ, ни наказанъ тѣлесно, а только подвергался изгнанію или денежнымъ штрафамъ. Напротивъ, наказанія доходили до неслыханныхъ жестокостей, когда дѣло шло объ оскорбленіи, причиненномъ судомъ кому-нибудь изъ членовъ высшей касты. Если онъ поносилъ дважды-рожденнаго неприличными словами, то ему отрѣзывали языкъ; если осмѣливался толкнуть брамина, то лишался руки или ноги; если садился на стулъ брамина, то наказывался вложеніемъ въ виновную часть раскален-

¹ Индійская миля—по однимъ $7\frac{1}{2}$, по другимъ $13\frac{1}{2}$ верстъ (См. «Раджа Тарагини», проф. П. Я. Петрова, въ Моск. Унив. Изв. 1865, № 1, стр. 12).

наго желѣза. Однимъ словомъ, наказаніе было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ниже каста, къ которой принадлежалъ виновный. Исключеніе изъ общаго правила составляютъ: денежные штрафы за маловажную кражу, которые взимались съ вайсіа въ размѣрѣ вдвое большемъ въ сравненіи съ судомъ, съ кшатрія вчетверо, а съ брамина въ восемь и въ нѣкоторыхъ случаяхъ во сто разъ. Не извѣстно, что руководило при этомъ индійскимъ законодателемъ, чувство ли чести, болѣе или менѣе свойственное всѣмъ арійскимъ народамъ, котораго не могъ заглушить даже духовный и свѣтскій деспотизмъ, или же, что вѣроятно, опасеніе уронить значеніе высшихъ кастъ, въ-особенности браминовъ, ибо извѣстно, что во всѣхъ государствахъ, стоящихъ не на высокой степени развитія, общественное мнѣніе клеймитъ позоромъ однихъ только мелкихъ воровъ, относясь снисходительно къ крупнымъ эксплуататорамъ общественной и частной собственности. Укрыватели воровъ подвергались одинакой отвѣтственности съ послѣдними. Ревность индійскихъ законовъ къ охраненію имущественныхъ правъ простиралась до того, что они причисляли къ воровству самовольное пользованіе чужою лошадыю или повозкой, равно какъ и азартныя игры.

Если мы пожелаемъ знать, какое вліяніе имѣла строгость законовъ на нравственность индійцевъ, то, основываясь на разсказахъ грековъ, должны признать ихъ однимъ изъ самыхъ нравственныхъ народовъ. Говоря о царствѣ магадекомъ, они прославляютъ уваженіе индійцевъ къ чужой собственности, рѣдкіе процессы, миролюбіе и любовь къ истинѣ. Но подобныя похвалы должны быть принимаемы съ величайшею осторожностью: во-первыхъ, имъ противорѣчатъ другія описанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что жители нижняго Ганга подъ продолжительнымъ гнетомъ сдѣлались клятвoprеступниками, пронырами и лицемерами, а во-вторыхъ, нравственность деспотическихъ государствъ вообще весьма сомнительна, ибо тамъ, гдѣ страхъ заставляетъ

людей маскировать свои мнѣнія, у нихъ образуется привычка обезопасивать себя посредствомъ обмана и покупать безнаказанность цѣною лжи; для нихъ ложь становится одною изъ ежедневныхъ потребностей, а лицемеріе однимъ изъ обычаевъ; при такихъ обстоятельствахъ общій духъ и образъ мыслей націи подвергается порчѣ и сумма существующихъ въ ней пороковъ и заблужденій страшно увеличивается. Можетъ быть, на восторженные отзывы грековъ объ индійцахъ слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на косвенное порицаніе современнаго имъ греческаго общества, чѣмъ на вѣрную оцѣнку чужеземныхъ нравовъ и учреждений. Впрочемъ, мы готовы допустить, что преступленія въ Индіи дѣйствительно могли происходить нѣсколько рѣже, чѣмъ въ выродившихся древнихъ государствахъ запада, хотя между уваженіемъ къ правамъ другаго, проистекающимъ изъ убѣжденія, и вынужденнымъ страхомъ наказанія находится огромное различіе, и какъ подобнаго результата нельзя достигнуть одною строгостію законовъ безъ дѣятельной и исправной полиціи, то надобно думать, что администрація въ Индіи, по крайней мѣрѣ въ III и IV вѣкѣхъ до Р. Х., находилась въ удовлетворительномъ состояніи.

Законодательная книга, обнимающая всѣ отношенія государственной и общественной жизни, не могла не коснуться и войны, тѣмъ болѣе, что въ эпоху ея составленія, вѣроятно, сохранились еще обычаи и воспоминанія изъ прежняго воинственнаго времени, которыхъ браманизмъ не могъ истребить совершенно и которые переносятъ насъ въ героическій вѣкъ Греціи. Имя, носимое героями у обоихъ народовъ, тождественно ¹. Происхождение геройства одно и то-же: войны, павшіе на полѣ битвы, дѣлаются гостями Индры. «Ни жертвы, ни дары браманамъ, ни

¹ Санскрит. *cūra* и греческ. *ἥρως*, герой, происходятъ отъ *svar* небо и значать собственно небесный. См. *Lassen, Indische Alterthumskunde*, 1-er Band, S. 616—617.

покаянія, ни наука не могутъ, говоритъ Магабгарата, идти въ сравненіе съ славною смертію воина. Герои—ровня богамъ, они не боятся сразиться съ ними, ихъ мужество не рѣдко торжествуетъ надъ божескою силою. Описаніе битвъ въ Магабгаратѣ и Рамаятѣ напоминаетъ гигантскія побоища сѣверныхъ народовъ, родственныхъ индійскимъ аріямъ. Подобно Аделингамъ древнихъ германцевъ, кшатріи имѣли своихъ бардовъ, которые были вмѣстѣ и возницами и пѣвцами героевъ, которыхъ они сопровождали на поле битвы.

Воинственный духъ, одушевляющій лица, дѣйствующія въ индійскомъ эпосѣ, мало по малу ослабѣлъ и выродился подѣ владычествомъ теократіи. Въ III вѣкѣ до Р. X. брамины увѣряли Мегасѣена, что индійцы никогда не оставляли своего полуострова для веденія завоевательныхъ войнъ и основанія колоній. Перевороты, потрясавшіе древній міръ, не имѣли почти никакого вліянія на судьбу жителей гангской долины. Политическое существованіе, такъ-же какъ и религіозная и умственная жизнь индійцевъ, заключены были въ предѣлахъ ихъ родной страны. Вотъ почему, приступая къ изложенію международнаго и военнаго права брамановъ, мы должны имѣть въ виду, что это право обнимало исключительно взаимныя отношенія индійскихъ государствъ, но не касалось отношеній ихъ къ другимъ народамъ.

Жречество вообще смотритъ неблагоклонно на войну, потому что въ военное время не ему принадлежитъ первенствующая роль, и допускаетъ употребленіе открытой силы только въ крайнихъ случаяхъ, предпочитая оружію дипломатическія средства. Средства эти, по ученію Ману, заключаются въ переговорахъ, подкупахъ и сѣяніи раздоровъ между непріателемъ. Законодательная книга совѣтуетъ царю считать врагомъ своимъ всякаго ближайшаго сосѣда, а его сосѣда своимъ союзникомъ; нейтральными же тѣхъ владѣтелей, которыхъ земли не принад-

лежать ни къ той, ни къ другой категоріи¹. Вотъ наставленіе, возведенное на степень догмата, подъ которымъ самъ Макиавель, вѣроятно, подписать бы свое имя. При такомъ взглядѣ на международныя сношенія, договоры и союзы имѣютъ въ виду одну цѣль—интересъ, а интересъ требуетъ остерегаться даже своихъ союзниковъ. «Государь, глубокій политикъ, говорить Ману, долженъ употребить въ дѣло все средства для того, чтобы его союзники, нейтральныя державы и его враги не имѣли бы надъ нимъ перевѣса. Спеціальная обязанность заведыванія дипломатическими сношеніями возлагалась на пословъ, которымъ законодательная книга приписываетъ большую важность, хотя нѣтъ основанія думать, чтобы при дворахъ индійскихъ государей находились постоянныя посольства. «Какъ отъ полководца зависитъ армія, а отъ справедливаго примѣненія наказаній добрый порядокъ, такъ война и миръ зависятъ отъ посланника». Чрезъ его посредство царь осведомляется о намѣреніяхъ иноземныхъ владѣтелей. Въ должность пословъ должны быть избираемы люди неподкупной честности и съ проницательнымъ умомъ, которые обладали бы способностью изъ разговоровъ съ иностраннымъ царемъ, изъ его тѣлодвиженій, взглядовъ и другихъ знаковъ угадывать его тайныя намѣренія. Кроме того, имъ рекомендуется для достиженія своей цѣли пользоваться услугами шпіоновъ. Законодательная книга совѣтуетъ послу сперва стараться списать расположеніе царя—посредствомъ подарковъ; если же это средство окажется неэффективнымъ, то онъ долженъ прибѣгнуть къ сѣянію раздоровъ, т. е., выражаясь точнѣе, къ измѣнѣ, склонивъ на свою сторону всехъ тѣхъ, отъ кого можно ожидать помощи, какъ-то: враждебныхъ государю родственниковъ, объявляющихъ притязаніе на престолъ и недовольныхъ министровъ². Испробовавъ

¹ Ману VII, 158.

² Ману VII, 63—68, 107, 158—163.

всѣ дипломатическія мѣры, царь, въ-случаѣ безуспѣшности ихъ, можетъ прибѣгнуть къ оружію, но и здѣсь онъ долженъ стараться достигнуть цѣли не столько сраженіями, которыхъ исходъ не вѣренъ, сколько военною хитростью и искусными стратегическими маневрами. Если же онъ не успѣетъ принудить непріятеля къ заключенію мира, истребивъ его запасы и занявъ крѣпкую позицію, откуда бы онъ могъ постоянно тревожить непріятельскія войска, и препятствовать подрозу стѣсныхъ принасовъ, и если оказывается необходимымъ дать сраженіе, то, смотря по различію мѣстности, долженъ быть употребляемъ преимущественно тотъ или другой родъ войска; а именно: въ равнинѣ—кавалерія и боевыя колесницы, въ странѣ, обильной водою—слоны, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ—стрѣлки, а въ открытыхъ—воины, вооруженные мечами и щитами. Въ переднихъ рядахъ законодательная книга назначаетъ мѣсто кшатріямъ изъ Брамаварты, Брамареидесы и земель, населенныхъ племенами Матсіа, Панчала и Суразены, т. е. тѣхъ странъ, которыя нѣкогда были театромъ великихъ войнъ героическаго періода. Самъ же царь, построивъ войско свое въ боевой порядокъ, долженъ сражаться впереди всѣхъ и служить для прочихъ воиновъ примѣромъ мужества и презрѣнія смерти. Здѣсь видны слѣды древняго воинственнаго настроенія, которое, впрочемъ, согласовалось съ ученіемъ браминовъ объ исполненіи каждою кастой своихъ обязанностей. Если, говорить Ману, кшатрій обязанъ не обращаться въ бѣгство, то тѣмъ болѣе — царь; цари, которые сражаются храбро, не щадя своей жизни, въ случаѣ смерти идутъ прямо на небеса. Разсказы греческихъ писателей свидѣтельствуютъ, что въ IV-мъ стол. до Р. Х., по крайней-мѣрѣ въ области Инда, индійскіе цари отличались мужествомъ въ бою. Особеннаго вниманія заслуживаетъ наставленіе, которое преподаетъ законодательная книга касательно способа веденія войны. Эти наставленія представляютъ въ ви-

гѣднотъ свѣтъ военное право индійцевъ, сравнительно съ законодательствомъ другихъ древнихъ народовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного еврейскаго. Подавая царю совѣтъ не-треблять всякіе запасы, какіе могутъ быть полезны врагу, Ману воспрещаетъ опустошеніе страны, рубку лѣса и другія варварскія дѣйствія, которыя допускались повсемѣстно въ образованной Греціи. Это различіе въ способѣ веденія войны обоими народами не ускользнуло отъ вниманія греческихъ историковъ. Другіе народы, говоритъ Діодоръ¹, во время войны опустошаютъ поля, напротивъ — индійцы смотрятъ на земледѣльцевъ, какъ на своихъ общихъ благодѣтелей; они никогда не жгутъ полей и не рубятъ деревьевъ. Вблизи сражающихся войскъ, прибавляетъ Аріанъ², земледѣльцы спокойно обрабатываютъ свои поля, либо занимаются сборомъ плодовъ или хлѣба. То-же чело-вѣколюбіе высказывается въ запрещеніи употреблять перовное оружіе, каковы напримѣръ — зубчатая или намазанная ядомъ стрѣлы и боевыя колесницы противъ нѣшихъ, а также напа-дать на непріятеля безоружнаго, раненаго, умоляющаго о по-щади или же въ то время, когда онъ спитъ. Это чело-вѣколюбіе въ эпическихъ поэмахъ нерѣдко доходитъ до рыцарства. Въ Рамаянѣ одинъ браминъ убѣждаетъ Раму умертвить вели-каншу, на томъ основаніи, что не должно имѣть состраданія къ врагу, хотя бы то была женщина, что сыновья царей обя-заны дѣлать все, что полезно для общества, не разбирая средствъ, и что великанша принадлежитъ къ нечестивому племени, а для нечестивыхъ не существуетъ права. Не смотря однакожъ на эти убѣжденія, герой не поддается имъ, считая позоромъ убій-ство женщины, *охраняемой своимъ поломъ*. Въ Багаватъ-Пу-ранѣ, выведены на сцену судръ и оскорбленный имъ герой.

¹ II, 36.

² Ind. с. II.

Послѣдній беретъ за свой мечъ, чтобъ наказать дерзкаго оскорбителя, но судръ, дрожа отъ страху, прикоснулся головой къ его ногамъ; тогда герой, сжалившись надъ несчастнымъ, оставляетъ намѣреніе убить его и, улыбаясь, говоритъ ему: «успокойся, въ такомъ положеніи тебѣ нечего бояться». Впрочемъ поэмы и священныя книги индійцевъ не должны вводить насъ въ заблужденіе на-счетъ практическаго примѣненія ихъ военнаго права. Поэзія есть идеаль, а книга Ману содержитъ въ себѣ поученія и правила. Но теорія и практика, какъ извѣстно, нерѣдко находятся между собою въ разладѣ. Если-бы мы имѣли о войнахъ индійскихъ государствъ столь-же обстоятельныя свѣдѣнія, какъ о войнахъ новѣйшихъ народовъ, то безъ сомнѣнія увидѣли бы, что послѣдователи браманизма не всегда слѣдовали предписаніямъ своего законодателя, подобно тому какъ христіане не могутъ похвалиться точнымъ исполненіемъ евангельской заповѣди, повелѣвающей людямъ любить другъ друга. Немногія дошедшія до насъ извѣстія оправдываютъ это предположеніе. Въ V-мъ стол. до Р. Х. магадскій престолъ былъ занятъ послѣдовательно четырьмя царями, проложившими себѣ путь къ нему отцеубійствомъ. Извѣстный Асока, прославленный буддистами за свою кротость, началъ свое царствованіе умерщвленіемъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ одного. Во время похода Александра индійцы употребляли противъ его войскъ намазанную ядомъ стрѣлы. Македонскій герой показалъ себя въ этомъ случаѣ болѣе человеколюбивымъ, чѣмъ браминны, даровавъ жизнь виновнымъ, явившимся къ нему въ одеждѣ умоляющаго о пощадѣ¹.

Домашняя жизнь въ Индіи, такъ-же какъ и государственная, подчинялась строгой регламентаціи закона. Отношенія супруговъ, не смотря на существовавшее многоженство, были испол-

¹ Diodor, XVII, 103.

ненн достоинства, и индійскій эпосъ представляетъ трогательные примѣры глубокой преданности женъ своимъ мужьямъ, преслѣдуемымъ несчастіемъ, «какъ юныя и нѣжныя особы въ полуодеждѣ добровольно раздѣляли съ своими мужьями изгнаніе и не страшились вмѣстѣ съ ними скитаться въ лѣсу, наполненномъ хищными звѣрьми: ибо жена, говоритъ Ману, должна всегда имѣть попеченіе о своемъ мужѣ; такой жентъ открыть прямо путь въ небеса, хотя бы она и не очень усердно приносила жертвы». Греческіе писатели отзываются также съ большою похвалою о цѣломудріи и вѣрности индійскихъ женъ. Въ древнѣйшія времена у индусовъ, какъ и у всѣхъ почти народовъ, находящихся не на высокой степени развитія, существовалъ обычай прибрѣтать себѣ жену покупкой у ея отца: по патріархальнымъ понятіямъ, дѣти составляютъ собственность послѣдняго; а потому отецъ долженъ быть вознагражденъ за услуги, которыхъ онъ лишаетъ себя съ переходомъ дочери въ чужое семейство. Обыкновеннымъ вознагражденіемъ, установленнымъ древнимъ обычаемъ въ то время, когда народъ жилъ главнымъ образомъ скотоводствомъ, была пара быковъ. Законодательная книга сильно возстаетъ противъ этого обычая и старается побудить отца къ безмездной уступкѣ своей дочери будущему ея супругу, выставляя принятіе за нее подарка или платы дѣломъ въ высшей степени предосудительнымъ. Еще строже относится Ману къ умызанію (похищенію) невѣсты; въ особенности, если похититель для достиженія своей цѣли прибѣгаетъ къ обманяющимъ средствамъ. Но и супружество по взаимной склонности индійскій законодатель не одобряетъ, вѣроятно изъ опасенія уронить значеніе кастъ или же, можетъ быть, потому, чтобы не ослабить авторитета родительской власти, о поддержаніи котораго Ману заботится не менѣе римскихъ законовъ XII таблицъ. Не смотря на это, браки по собственному выбору, кажется, не были противны индійскимъ

обычаемъ, судя по примѣрамъ, встрѣчаемымъ въ эпосѣ¹. Такъ, въ Магабгаратѣ, Дамаянти возлагаетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову Наля въ знакъ того, что она избрала его себѣ супругомъ изъ числа князей, искавшихъ ея руки и съ этою цѣлью съѣхавшихся въ гости къ ея отцу. Законъ запрещаетъ выдавать за-мужъ младшихъ дочерей прежде старшихъ.

Каждый индусъ считалъ непремѣнною своею обязанностию вступить въ бракъ частию для поддержанія своего рода, а частию для того, чтобы было кому, по смерти его, исправлять по немъ поминки и приносить жертвы, имѣвшія силу освобождать душу покойнаго отъ адскихъ мученій или по-крайней-мѣрѣ сокращать ихъ. Какъ царямъ въ политикѣ, такъ и лицамъ, готовящимся ко вступленію въ семейную жизнь, законодательная книга даетъ подробные совѣты и наставленія. Они не должны искать себѣ женъ въ семействахъ, находящихся съ ними въ близкомъ родствѣ, а равно и такихъ, которыя небрегутъ объ исполненіи религіозныхъ обязанностей, либо подвержены наслѣдственнымъ болѣзнямъ. Особа, избираемая въ подруги жизни, должна поступью походитъ на лебедя или слона, имѣть мягкіе волосы и маленькіе зубы. Ману совѣтуетъ избѣгать невѣстъ съ красными глазами, рѣзкимъ голосомъ и тѣломъ, обросшимъ волосами. Для 24-лѣтняго мужчины рекомендуется дѣвица 8, а для тридцатилѣтняго 12 лѣтъ.

Для дѣйствительности брака требовалась религіозная санкція: Обрядъ бракосочетанія, не смотря на различія въ частностяхъ, былъ одинаковъ для всѣхъ кастъ. Существенную принадлежность его составляло соединеніе рукъ новобрачныхъ и хожденіе ихъ вокругъ алтаря. Обрядъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ. На алтарѣ, украшенномъ цвѣтами, ставил-

¹ То-же подтверждаетъ и Страбонъ, говоря объ одномъ индійскомъ племени (см. Biblioth. Teubner. Strabonis Geograph. Vol. III, p. 435).

ся сосудъ съ омїаіаомъ и зернами поджареннаго риса, по полу разбрасывали зеленныя вѣтви и потомъ зажигали огонь, въ который совершавшій служеніе браминъ бросалъ очищенное ма- сло, а отецъ невѣсты подводилъ ее къ жениху, приговаривая: «вотъ моя дочь, будущая участница твоихъ священныхъ обя- занностей, возьми ея руку. Отнынѣ она вездѣ будетъ слѣдо- вать за тобою, какъ твоя тѣнь». Послѣ этого ее окропляли священной водою. Въ то-же время брамины хоромъ возглаша- ли многолѣтіе новобрачнымъ.

Въ заключеніе женихъ и невѣста, взявшись за руки, триж- ды обходили кругомъ алтаря, на которомъ пылалъ священный огонь, присутствующіе бросали въ нихъ цвѣты, литавры гре- мѣли и между тѣмъ какъ музыка постепенно переходила отъ высокихъ тоновъ къ низкимъ, собраніе расходилось и молодые отправлялись въ свое жилище, въ сопровожденіи родителей, ближайшихъ родственниковъ и духовенства.

Согласно съ обычаями востока и духомъ браманской систе- мы, законодательная книга требуетъ отъ женщины полнѣйшей покорности ея отцу, мужу и опекунамъ, и даже новѣйшимъ пу- тешественникамъ перѣдко приходится быть свидѣтелями глубо- кой почтительности женъ къ своимъ мужьямъ—какъ онѣ обни- маютъ колѣна послѣднихъ и цѣлуютъ ихъ ноги. Никогда, го- ворить Ману, женщина не можетъ быть самостоятельной: въ дѣтствѣ она зависитъ отъ отца, потомъ отъ мужа, а послѣ его кончины отъ сыновей». Если же нѣтъ дѣтей мужескаго пола, то вдова поступаетъ подъ опеку ближайшаго родствен- ника. Женѣ, которая честитъ своего мужа на землѣ, будетъ тѣмъ-же воздано на небесахъ. Она должна быть всегда въ ве- селомъ расположеніи духа, заботиться о поддержаніи порядка въ домѣ и соблюденіи экономіи, не слишкомъ много выѣзжать и наконецъ не употреблять крѣпкихъ напитковъ. Въ свою оче- редь мужу вѣнчается въ обязанность любить и уважать жену

и по-временамъ дѣлать ей подарки, дабы она могла наряжаться и тѣмъ радовать сердце своего супруга. Если же, не смотря на мягкосердіе мужа, жена обнаруживаетъ дурныя склонности, онъ долженъ усилить надзоръ за ней, а въ-случаѣ строптивости съ ея стороны ему дозволяется дать ей нѣсколько ударовъ бамбукомъ. Хотя формальные разводы, по-видимому, не были извѣстны индійцамъ, но съ безплодною женой мужъ могъ въ всякое время прекратить сожителство. Главная цѣль брака съ точки зрѣнія индійскаго законодателя есть рождение сына, въ лицѣ котораго отецъ долженъ снова возродиться въ утробѣ своей матери. Ради наслѣдника, Ману разрѣшаетъ, для оплодотворенія жены, пригласить брата или другаго родственника, но при этомъ послѣдніе должны руководствоваться единственно благочестивымъ желаніемъ продолжить родъ близкаго имъ человека, и отнюдь не позволять себѣ увлеченія чувственными удовольствіями.

Затворничество женщинъ не было въ обычаѣ у индусовъ. Въ Рамаянѣ читаемъ, какъ дѣвы Айоддіи, разрядившись, гуляютъ по-вечерамъ въ загородныхъ садахъ, какъ во время торжественныхъ процессій онѣ стоятъ у оконъ и сами принимаютъ участіе въ народныхъ празднествахъ. Тѣмъ съ большею ревностію индійскій законодатель охраняетъ честь слабаго пола. Мужчина, обольстившій дѣвушку изъ высшей касты, наказывался смертію; если же это была замужняя женщина, то наказаніе было различно, смотря по тому, къ какой кастѣ принадлежалъ соблазнитель (такъ напр. у вайсія, виновнаго въ прелюбодѣяннн съ браманшею, отбираемо было все имущество, между тѣмъ какъ вшатрій за то-же преступленіе подвергался денежному штрафу и сверхъ того, въ знакъ безчестія, ему стригли голову и обливали ее осиною мочой). Этого мало. Всякая короткость съ женою другаго, какъ-то—разговоръ съ нею на-единѣ во время гулянья, пожатіе ея руки,

поднесеніе ей букета изъ цвѣтовъ—считалась предосудительною и была приравниваема къ прелюбодѣянію.

Заботясь о поддержаніи семействъ, индійскій законодатель принялъ мѣры противъ раздробленія наслѣдственныхъ имѣній. Все, что пріобрѣтаютъ члены семьи посредствомъ работы или въ даръ отъ кого-нибудь, принадлежитъ отцу: жены, сыновья дочери и рабы не имѣютъ собственности. Но и самъ отецъ, безъ согласія сыновей, не можетъ распорядиться наслѣдственнымъ имуществомъ: только пріобрѣтенное имъ самимъ онъ въправѣ продать или раздѣлить между дѣтьми. По смерти отца, пока мать жива, наслѣдники не должны дѣлиться; даже и тогда, когда умрутъ оба родителя, Ману совѣтуетъ братьямъ жить вмѣстѣ и владѣть сообща отцовскимъ достояніемъ. Въ случаѣ дѣлежа, старшій сынъ имѣетъ право на лучшую часть только тогда, когда онъ превосходитъ братьевъ ученостію и добродѣтелями; въ противномъ случаѣ имѣніе дѣлится по-ровну. Впрочемъ, различіе кастъ отразилось и на индійскихъ законахъ о наслѣдствѣ. Мы разумѣемъ тотъ пунктъ этихъ законовъ, въ силу котораго, если мужъ имѣетъ женъ изъ разныхъ кастъ, то предпочтеніемъ пользуются тѣ сыновья, матери которыхъ принадлежатъ къ высшимъ кастамъ. Такъ, напр., если у брамина были жены изъ всѣхъ четырехъ кастъ, то наслѣдство дѣлилось на десять частей: изъ нихъ сынъ браманки получалъ четыре части, сынъ дочери кшатрія—три, сынъ вайсянии—двѣ, а сынъ судрянки—только одну. При совершенномъ отсутствіи родственниковъ, наслѣдство переходило къ браминамъ съ тѣмъ, чтобы они справляли поминки по умершемъ и приносили за спасеніе души его очистительныя жертвы.

П О П Р А В К И.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
20	7 снизу	міръ	миръ
21	1 сверху	слѣдующій ему учас- токъ.	слѣдующая ему часть.
